

Шмелев И. В.

История села Мотовилово

Тетрадь 2

Жизнь своим чередом

12+

Иван Шмелев

**История села Мотовилово.
Тетрадь № 2. Жизнь
своим чередом**

«ЛитРес: Самиздат»

1972

Шмелев И. В.

История села Мотовилово. Тетрадь № 2. Жизнь своим чередом /
И. В. Шмелев — «ЛитРес: Самиздат», 1972

Дневник русского крестьянина, в котором он описал историю родного села Мотовилово Арзамасского района Нижегородской области. Во второй тетради автор описывает свое детство, жизнь села во времена империалистической войны, революции и гражданской войны.

Содержание

Война. Революция. Голод	6
Три хозяйства	7
Новая власть. Воля	8
Дележ спирта (1918)	10
Разгул и каратели	13
Гражданская война	15
Рассуждение о власти	17
Прогрессивная группа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тетрадь № 2
Жизнь своим чередом

Война. Революция. Голод

Исторические события: война 1914-17г.г. с Германией, свержение царя (февраль 1917 г.), революция (октябрь 1917 г.), гражданская война (по 1921 г.), всколыхнувшие весь народ обширной и необъятной матушки-России, не обошли стороной и жителей села Мотовилова.

Прежде всего, весь этот переворот принёс людям неурядицу, разруху во всем, нехватку и голод. Здоровое мужское население было призвано на войну, в селе остались старики, дети и бабы. На плечи баб легла вся основная трудовая нагрузка и заботы о ведении хозяйства, которое в большинстве случаев было маломощным и безлошадным. Обрабатывать землю и засеивать ее без мужиков тяжело и непосильно. Да еще, как на грех, грянули два года подряд неурожайные (1920 и 1921г.г.). Жизнь в селе захирела, стало затруднительно, во всем чувствовалась нехватка: не доставало хлеба, маловато уродилось картофеля. Нашествия молодых чувашей и татар. Веснами и по летам голодные дети переходили на «подножный корм» – как только растаивал снег, ходили в поля собирать и есть пестушки, по оврагам собирали земляные орешки, в земле отыскивали свинорой, пили березовку, ели с сосен кашичку и пальчики, на лугах собирали щавель и столунцы, медяницу и дягиль, крапивные огурцы и «просwirки», березовые сережки и черемуху, рябину и грибы сыроежки. На лошадях отправлялись в дубравы, набирали там целые мешки желудей и грызли их, слегка покалив на печи. Не этот ли разнообразнейший продукт спас людей от голодной смерти?

Продукты и прочие товары в сельских лавках не продавались (а в городе все выдавалось по карточкам); все было непомерно дорого, деньги обесценились: за пуд соли платилось несколько миллионов рублей, да и за ней нужно было ехать в Нижний Новгород или Балахну. Железные дороги забиты солдатами, мешочниками и спекулянтами.

Люди были вынуждены отсиживаться дома, коротать осенние и зимние ночи без света или жгли лучину – не было керосина, спичек, мыла и ситца. Спички из серы делали сами, из золы делали щелок, сами ткали. От недоедания, темноты и грязи среди людей появились болезни: тиф, болели глаза, на руках появлялись шёлуди, на голове болячки.

Три хозяйства

Стоят на красном порядке Главной улицы села Мотовилово окошками на солнышко три дома в ряд, словно три ярких звезды созвездия «Орион», и в каждой из них проживает по большому семье.

В среднем двухэтажном доме семья Савельевых, состоящая: сам хозяин Василий Ефимович 1890 года рождения, хозяйка Любовь Михайловна, отец хозяина Ефим, мать Евлиния и дети: Минька, Санька, Манька, Ванька, Васька.

Слева от Савельевых в простом доме, дворы их рядом, вплотную, сомкнувшись, семья Ивана Федотова: сам хозяин Иван (1895 г.р.), хозяйка Дарья, дети: Татьяна, Михаил, Иван, Павел, Серега, Санька и Нюрка. Справа от Савельевых через пробел, в доме под железной крышей – семья Крестьяниновых: хозяин Федор (1885 г.р.), хозяйка Анна, отец хозяина дедушка Василий (родовой патриарх), мать Евдокия, тетенька Александра и дети: Алешка, Мишка, Анка и Панька. Дома у всех троих добротные, дворы крепкие, запоры надёжные – ветер не проберётся, вор не заберётся, и волк к скотине не подступится.

Обошла война своими бедами эти три хозяйства: Ивана Федотова на войну не взяли из-за большой семейности, Крестьянинова Федора брали, да он вскорости вернулся домой по ранению – коснулась пуля правой ноги повыше колена, угодила вскользь, кость осталась невредимой, а рана дала возможность получить освобождение от дальнейшей военной службы.

У Василия Савельева на фронт забрали добротную лошадь и самого взяли. По случайной случайности Василий Ефимович попал в команду по охране пленных австрийцев в городе Арзамасе, где он впоследствии заделался кашеваром. Ему и потом повезло, в 1916 году пленных австрийцев куда-то угнали, а команду охранников перевели на железную дорогу для содержания ее в надлежащем порядке, ремонтировать и очищать от снега.

Вскоре его перевели на участок дороги поблизости от своего села, он вместе с вольнонаемными односельчанами поселился на казарме, близ дубравы, недалеко от станции Верижек.

Сначала Василий работал ремонтником дороги под начальством мастера Аринушкина Петра Ивановича, на воскресенья, как и все, отправлялся домой, справлял дела по хозяйству: купал лошадь, урывал время пахать, сеять, убирать урожай. После революции по предложению железнодорожного начальства согласился быть водовозом на своей лошади. На его обязанности было снабжать водой четыре казармы: около Шубина, около переезда, около Верижек и казарму мастера Аринушкина. Воду он возил в деревянной бочке-логунье, в которую заливал воду на водокачке, находящейся на берегу реки Сережи около железного моста.

К своей работе Василий Ефимович относился добросовестно – люди на обслуживаемых им казармах без воды не бывали. У него иногда было свободное время, мастер его не утруждал и не препятствовал ему часть посещать свой дом в селе, благо расстояние в три версты на лошади он преодолевал не больше как за полчаса.

Новая власть. Воля

Перво-наперво, революция дала народу власть. Повсеместно из уст в уста передавали лозунг: «Народная власть!», «Все наше!», «Фабрики и заводы – рабочим!», «Земля – крестьянам!», «Властуй, реквизируй и разделяй!», «Разделяй и властвуй!»

В начале 1918 года в Мотовилове был образован комитет бедноты, который возглавлял его председатель Иван Сбитнев, параллельно со старым органом власти на селе Волостным управлением в лице старшины Капустина Ефима Васильевича.

Комитет бедноты взял на себя обязанность проводить на селе в жизнь декреты новой власти. Так, в конце января на заседании комбеда было решено реквизировать у помещика, владельца спиртзавода Кошечева Г. Г., весь имеющийся в наличии спирт и разделить его среди граждан сел Мотовиловской волости, исходя из того, что вышеуказанный спиртзавод находится на территории Мотовиловской волости вблизи села Ломовки. Комитет бедноты по этому случаю пригласил старшину Капустина Ефима и поставил его в известность о своем решении.

– Так вот, Ефим Васильевич, мы, то есть Комитет бедноты, решили изъять у Кошечева спирт и раздать его народу, и тебя как волостного старшину и уважаемого представителя старой власти мы не обходим, а предлагаем действовать сообща, с нами.

– Так это же называется дневной грабеж! – укоризненно и с опасением заметил Ефим,

– Мы не грабим, а реквизируем для народа, разве тебе, Ефим, не известно о том, что новая власть передаёт в руки народа все достояние и добро, накопленное помещиками и фабрикантами. Отныне все стало нашим! – с чувством какого-то властителя села, объяснил старшине председатель комбеда.

– А по шапкам не надают? – усомнительно поинтересовался Ефим.

– Нет, не надают. На этот счет есть даже указание верховной власти из Москвы.

– Тогда другое дело! – согласился старшина, в душе чувствуя, что этот поступок будет с его стороны вероломным и нечестным, обидеть человека, век наживающего и копившего добро, как и он, Ефим. А с другой стороны, внутри его зародившийся червячок зависти, корысти толкал его на это, и он сдался и согласился. Но совсем поддавшись соблазну (ведь речь-то идет о спирте), он осведомился: «А по сколько вы решили наделять-то?» «Вот мы тут грубо прикинули: по полведра на едока приходит». «Неплохо!» – ответил Ефим Васильевич. «Плохо ли!» – восторженно согласился он, а в голове уже ворохнулся подсчет: «И я получу на семью не меньше трех ведер». «Ну, тогда пошли», – встрепенулся Ефим. «Нет, не пошли, а поехали, – урезонил его Иван, – запрягай-ка свою лошадь и айда, поедемте!»

В санках уселись волостной старшина, Капустин Ефим, председатель Комбеда Сбитнев Иван и помчались на хутор, во владения помещика Кошечева. По дороге, в Ломовке, они заехали за активистом новой власти Кузьминым, и они втроем подкатили к барскому дому.

Хозяин поместья и завода находился дома, последнее время он почти никуда не отлучался из дома. Узнав из газет о случившемся перевороте в Петрограде и Москве, он безотлучно отсиживался в своем кабинете и обдумывал случившееся. Он понял, что новая власть не даст никаких поблажек фабрикантам и помещикам, все отберут, а сопротивляться бесполезно. Народ взбунтовался, а капитализму поддержки нет, и ждать ее неоткуда. В этот-то момент и пожаловали к нему представители новой и старой власти. Чинно поздоровавшись, Иван Сбит-

нев начал разговор о деле: «Мы к тебе, Григорий Григорьевич, по очень важному вопросу», – с неуверенностью в голосе проговорил Сбитнев, дрожащей рукой достав из кармана и протянув Кощееву заблаговременно заготовленный документ, в котором говорилось о немедленном изъятии всего наличествующего на складе завода спирта. Прочитав импровизированный, изобилующий грамматическими ошибками и написанный небрежным почерком документ, Кощеев, слегка дрогнув всем телом, с едва сдержанным спокойствием произнёс: «Ну, что ж, власть ваша, воля ваша, что хотите, то и делайте,» – и подошёл к шкафу, достал из него огромные ключи на медной цепи, он со звоном положил их на край стола. «Возьмите! Я больше не хозяин!» Иван торопливо подошёл к столу и, взяв ключи, положил их себе в карман и, обратившись к своим, полускомандовал: «Поехали, товарищи!»

На выходе от Кощеева, Ефим, поубавив шаги, обратился к своим спутникам: «Слушайте-ка, сегодняшний день уж на исходе, как же мы со складом-то поступим? Давайте-ка опечатаем его, а то не ровен час, за ночь-то его ополовинить могут». «И то дело, – поддержал его, спохватившись, Иван, – только у меня печати-то еще нет!» – сокрушённо заметил он. «А у меня есть!» – самодовольно отозвался Ефим. «Вот она! И сургуча я из дома захватил!» И они все втроем направились к винному складу-подвалу. Убедившись в целостности и исправности замков, Иван, продёрнув в пробой шпигат, пристроив его к дощечке, стал намазывать сургучную лепешку, растопляя сургуч зажжённой спичкой. Ефим, приложив железную печать, выдавил на сургучной кипящей лепешке орла. Когда дело с опечатыванием было закончено, они снова уселись в санки и отправились домой. По дороге на Ломовку было договорено, что завтра с утра на подводах из каждого села приехать к заводу за спиртом и делить его строго по спискам, по полведра на едока. Кузьмичу было поручено организовать охрану склада со спиртом до завтрашнего утра из мужиков надёжных и преданных новой власти. На этом и разошлись по домам. Ефим Капустин в этот же день разослал нарочных по селам волости с извещением о том, чтобы люди из каждого села с подводами явились завтра на спиртзавод за спиртом. Количество жителей каждого села Ефим, как старшина, знал почти точно.

Дележ спирта (1918)

На другой день к дому старшины Капустина Ефима на улице Слободе подъехало десять подвод. В санях каждой подводы находилось по четыре бочки со спиртом. Бочки сгрузили у Капустина окна на размягчённый оттепелью снег.

Ефим для смелости поднёс, сельскому нарядчику Пилату и послал его по селу известить народ о том, чтобы каждая семья прислала человека с посудой за получением причитающегося семье спирта. Нарядчик Пилат по домам не ходил. Он останавливался на каждом перекрёстке и разгорячено, громогласно, во все стороны кричал: «Граждане, гражданки, выходите на делёжку спирта, забирайте с собой посуду, идите к дому старшины Ефима Капустина, получайте на едока по полведра шпирту, кто вовремя придёт, тот с добром уйдет, а кто запоздал, тот воду хлебал!» – шутками и прибаутками заканчивал призыв нарядчик. Так зычно и задорно оповестил он все село, подняв жителей села на дыбы. Село всколыхнулось, на улицах зазвенели ведра, бадьи и прочая посуда. К месту дележа люди спешили, кто с чем. Малосемейные и одинокие с бочонками, а большесемейный Евдокии проехал на лошади с лагуном.

Около Капустиных стон стоит, крик, шум, суматоха, споры. Кто-то трезво отстаивает свою очередь и доказывает то, что только вчера у него народился ребенок, и на него давай полведра, кто пьяно, бессвязно орет, будоража и без того крикливую толпу.

Спирт льют прямо в ведра, наклоняя бочки на бок. Терпко пахнувшая синеватая жидкость льется не столько в ведра, сколько мимо, прямо в размятый ногами снег. Праздные зеваки безудержно припадают на колени, наклоняясь, сосут влажный снег, охая и ухая от блаженного удовольствия: «Вот благодать-то!». Панюшка Варганов, изрядно напившись на дармовщину, надменно куражится и кричит на всю улицу: «Вот это лафа! Вот это праздничек! Спасибо новой власти! Чай, поднесите хоть полкастриули!» – обращается он к комиссии, отпускающей спирт. «Ты, Панько, и так налюлюкался, еле на ногах держишься!» – смеялись мужики. «Это я-то пьяный? Да я совсем трезвый, а вы не жалеите от привольного-то поднести, а?» – пьяно качаясь, упрасивает Панька. «Пей, робя, нынче у нас годовой праздник! Пей, пропивай, пропьём – наживём!» – подплясывая, балагурил он, – Гуляй, народ, однова на свете живем!»

А люди все подходят и подходят, и, получив, «свое», чинно, с достоинством отходят от места раздачи «народного добра». Каждый, унося это добро в свой дом, с довольством и благодарностью улыбался.

Настасья Булатова, получив свой надел с полтора ведра, понесла эту «дорогушную» жидкость в ведрах на коромысле. Одно ведро явно перетягивало в сторону. На оледеневшей дороге она оскользнулась, упала плашмя, растянулась на снегу, ведра со звоном покатались по дороге, спирт весь вылился в приглаженную полозом колею.

Панька тут как тут: припав ртом к лужице, он сприсосью втягивал в себя драгоценную влагу, сожалея: «Настасья, как же это ты сплеховала, а?» «Видно, Бог наказал!» – с досадой и злом сквозь слезы отозвалась она. «А ты вернись и попроси. Неужели не войдут в твое несчастное положение?» – добродушно порекомендовал ей Панька. Она послушала его, вернулась, но ей непреклонно отказали, укоризненно говоря: «Да разве мы всем может давать повторно! Если каждый будет проливать так, где мы наберемся? Получила и отваливай!» «Правильно! – отозвались из толпы мужиков, наблюдающих за разделом. – Раз сплеховала, то пеняй на себя!».

Вскоре весь народ, жители села, были оделены причитающимся – каждое хозяйство получила надлежащее количество спирта. Но из сорока бочек со спиртом еще оставалось бочек пятнадцать. «Если еще раздать по полведра на едока, то всем не хватит», – и Ефим предложил: «А давайте-ка, мужики, еще по пол ведёрка на едока добавим, только не на всех, а только на мужской пол, а то на всех-то не хватит. «Да на бабий пол и добавлять-то не стоит, она не полноценный народ: курица не птица, баба – не человек! Правильно!» – гаркнула толпа. – А как мне вот быть? Хорошо, у кого ребятишки – парни, а у меня почти одни девки! – с унылостью в голосе выкрикнул из толпы Сергей, смекая в голове, что ему доведется дополучить всего-навсего одно ведро, на себя, да на сына Мишку. «Стряпал бы парней!» – с ехидной улыбкой заметил ему все еще болтающийся тут Панька. «А чем девки хуже парней? Они красавицы!» – буйствовал Панька. «Верно!» – отозвалась толпа. Кто виноват, что тебе баба не потретила? – гоготала толпа. На том и порешили: из оставшихся бочек раздать еще по полведра на едоков только мужского пола. Весть о добавке проворной ласточкой облетела село. Из домов на улицу снова задорно выходили люди с ведрами и бочонками, катили дополучать спирт.

Настасья Булатова снова было сунулась за спиртом, но ей и на сей раз было отказано: «Ведь в твоём хозяйстве одни бабы, так чего лезешь? Получила свое и отчаль!» По улицам шли люди с посудинами, наполненными «огненной водой». Некоторые, уже изрядно подвыпившие и наотведавшие, покачивались, а некоторые от нахлынувшего веселья пели песни, только бабы держали свое достоинство и степенство, не пили. Они с деловитой прилежностью, по-хозяйски, распроставали ведра, сливая спирт в стеклянные бутылки, четверти, кадки, чугуны и корчаги, укрывая все это шубами, кафтанами и прочим тряпьем.

А Семин Семён за неимением посуды налил в лохань. К вечеру этого же дня дележ в основном был закончен. Все были довольны и убогаствованы. Стало вечереть. Ефим видит, что две бочки осталось еще со спиртом, надо их припрятать от народа, а то хоть дели по ведру, люди и спасибо не скажут. «А себя обделять негоже», – ехидной змеей промелькнула в голове мысль. Одному неподсильно, он кликнул сына Ивана и брата Василия, и они втроем лихо покатили одну бочку в сарай, а другую припрятали в огороде за баней. Но вот беда, хоть вечерняя темнота и скрывала проделки Ефима, но случайно проходивший в то время поблизости Александр Горюнов заметил и понял, что тут происходит, и затаил в себе соблазнительный замысел. В полночь он со своим сыном Санькой тайком перекатили бочку со спиртом из сарая Капустиных в свой двор и надёжно припрятали. И вышло, вору у жуликов добро украли! Наутро Ефим обнаружил пропажу, пожалел, похмыкал, но успокоился, ведь еще одна бочка осталась упрятанной.

Второй день после делёжки был занят у жителей села приборкой спирта в укромные места, ведь некоторые семьи его получили ведер по десять, так что вся посуда была занята этой живительной влагой. В избах на лавках и под лавками, в чуланах и даже в сенях стояли ведра и чугуны с корчагами со спиртом, от которого по всем избам, да и на улице исходил щекочущий в носу тонкий специфический запах. Но к нему уже привыкли. Второй день был наполнен разговорами почти только о спирте. Кто сколько получил, кто сколько пролил, кто куда спрятал, кто доволен, кто недоволен. А любители до выпивки при таком приволье до повалухи написались, а один мужик по имени Сипатр, даже опился до смерти и его не позволили хоронить на общем кладбище, а как опойца схоронили в бору.

Люди не только сами пили у приволья, а по ошибке, выносили в поганных ведрах спирт попоить скотину. Также по ошибке спирт выливали через крыльцо вместо помоев. От получе-

ния причитающегося спирта из всего села отказался один только Ананий, хотя и надлежало ему на семью получить каких-то три ведра, он и то от получения наотрез отказался. За это его упрекнул его тесть, Крестьянинов дедушка Василий. На упрек Ананий сказал: «А что в деяниях апостольских сказано, в главе пятой? А там сказано, что некий человек, по имени тоже Ананий, только за то, что он утаил от народа часть денег, полученных им за проданные имения, в наказание пал мертвым, так что я не хочу из-за какого-то «чужого» спирта так же лишиться жизни». «Так-то оно так, – посочувствовал ему тесть, – только все берут, а ты что? Ведь в хозяйстве пригодится!» «Все берут, а я не возьму», – резонно заключил Ананий. «Ну и молодец!» – похвально похлопал его по плечу тесть.

На второй же день о дележе спирта донёсся слух до села Чернухи. Снарядили несколько чернухинцев с подводами на спиртзавод за спиртом, сунулись, а там уж пусто. Они да в Мотовилово, так, мол, и так, у нас, дескать, тоже волостное управление есть, а мотовиловцы им кукиш. «Завод на нашей земле, так что заводом и добром распоряжаемся только мы!» Позавидовали, пожалели чернухинцы, да и ни с чем и уехали, а на мотовиловцев затаили злобу, и на третий же день послали нарочного в Арзамас с доносом, что мотовиловцы самовольно разграбили кощеевский спиртзавод.

Для ликвидации самовольства и беспорядков из Арзамаса в Мотовилово был выслан небольшой отряд солдат. Они создали в селе большой переполох, все бросились прятать. Но вместо того, чтобы отобрать у граждан спирт, сами напились и в Арзамас вернулись полупьяными. А весной того же 1918 года Арзамасские власти были вынуждены послать в Мотовилово вооруженный карательный отряд, состоящий из латышей, по борьбе с грабежами и поимке дезертиров.

Разгул и каратели

После раздела спирта востребовалось Мотовилово, зажило, ведь спирт – это и деньги, и продукты, и барахло.

Некоторые предприимчивые люди стали поезживать в город Нижний Новгород со спиртом, оттуда привозили всякую всячину: и ситцу, и спичек, и сахарину, и серы для изготовления спичек. Некоторые уже превратились в маленьких спекулянтов: спекулировали спичками, сахаринном и серой. Сперва спирт не особенно экономили и берегли, благо, что его вдоволь: пили, продавали, меняли, растраниживали. К тому же как раз подоспела к этому времени традиционный праздник Масленица. Некоторые молодые пары приурочили к Масленице свою женитьбу, а некоторые просто так справляли Масленицу на широкую ногу. Пили, гуляли, веселились. Спирт в селе лился рекой.

Хотя большинство молодых мужиков находилось на фронтах, а в селе все же было кому гулять и пьянствовать. Пили вдоволь, а закусывали огурцом и картошкой. Хлеб был в редкой семье. «Пей, веселись, русская душа! Такой лафы не знай, когда еще дождешься!» И пили вдоволь и до отказа. Хотя эта Масленица и обошлась без традиционного катания на разукрашенных лошадях, зато было попито – есть чем помянуть.

Великий пост прошёл в говении и в скучном пребывании деревенского быта. Бабы по вечерам при лучинном освещении пряли, готовились к весеннему тканью холстов. Одинокие старухи вечером целыми уповадами старательно раздували горячие угли в горнушках, чтобы зажечь от них лучину. Старики и смышлённые ребятишки из расплавленной серы изготавливали самодельные спички, напуская по избе удушливого ядовитого серного газа.

Хозяйки пекли ржаные наполовину с картошкой хлеба, варили похлёбку, парили кулагу и солодушки. Семьи за обедом сидели подолгу, ели этой некалорийной пищи помногу. В одной семье этих солодушек съедали штук по двадцать на брата, так что когда загулявшегося на улице парня из этой семьи стали кликать на ужин, его с сожалением предупредили: «Еньк, иди ужинать, а то мы солодушки-то все съели, только шестнадцать штук осталось!» К тому же съедалось много погребного припаса: капусты, огурцов, свеклы, брюквы, моркови, репы и редьки. От этой грубой пищи в желудках сильно бурлило, выделялись обильные газы, в избах сильно воняло.

А весной в Мотовилово нагрянул вооруженный карательный отряд стрелков-латышей во главе с Андреем Андреевичем Небойсь. Их задача состояла в том, чтобы навести порядок: отбирать спирт, который самовольно был изъят у Кощеева и разделен, прекратить разгул, излавливать дезертиров, а также изымать оружие, имеющееся у граждан, занесённое с фронта. Село всполошилось не на шутку: люди затормошились, забегали, забеспокоились, пряча спирт. Если так легко отделались от первого отряда, от этого милости и пощады не жди. Солдаты шныряли везде: искали спирт по баням, сараям, овинам и в подполах. У кого находили, тут же безжалостно разливали на землю, несмотря на слезы и просьбы баб и старух.

Отряд приехал надолго, так что разместился у малосемейных и у вдов на продолжительное жительство. Сведущая в новостях Анна Крестьянинова, выйдя на улицу, оповестила соседку через дом:

- Дарья, ты слышала, латыши приехали?
- Какие ищо иртыши?

- Да не иртыши, а латыши, спирт, бают, отбирать будут.
- А мы его спрятали в укромное место, небось не найдут!
- Подальше прячьте, а то неровен час, они, как собаки, рыщут и по духу чуют.
- Найдут – беды наживёшь.
- Мы и так надёжно упрятали.
- То-то же, – сочувственно подтвердила Анна.

Василий Ефимович Савельев всю ночь был занят сокрытием и перепрятыванием спирта, как-никак, а его у него было 7,5 ведер. Он почти всю ночь копал в огороде под черемухой у бани яму, спустил в нее семи вёдерный бочонок со спиртом, надёжно укрыл его досками и закопал. Тщательно замаскировал яму.

Поселился командир отряда Небойсь на квартире у Демьяновой Устиньи – вдовы, бабы сварливой и дерзкой на язык. Вскоре она ему подходящую невесту нашла, он на ней поженился и перешёл жить к ней, а Устинья через него в активистки попала, а пока он жил у нее, с ней несчастный случай произошёл. В отсутствие квартиранта она вздумала перепрятать четверть со спиртом, да второпях запнулась лаптем за порог, упала, и четверть вдребезги разбилась. Спирт по всему полу разлился, по избе пошла такая вонища, что не приведи Господи. Пришёл квартирант на обед, а Устинья занята: мочалкой подтирала лужу. Она ему в ноги: «Не погуби! Виновата!» Он шуткой: «Что упало, то пропало!» «Какая жалость!» – сокрушённо проговорила Устинья. Отряд у тех, кто сплеховал, не успел далеко спрятать, спирт находил, пугали острогом. Солдаты по лесам делали прочёсы, находили прятавшихся дезертиров, сдавали их властям, находили припрятанное оружие: винтовки, наганы и штыки. По вечерам и ночам по селу ходили дежурные патрули – приказывали гасить свет, у кого заметят его в избе, производили устрашающие выстрелы из винтовок.

Отряд также помогал Комитету бедноты проводить среди хозяйств села продразвёрстку, насильно отбирали хлеб, картофель, а особо сопротивляющихся сажали «в темную», а то и отправляли под конвоем в Арзамас для наказания за сопротивления власти.

Гражданская война

Вскоре после совершения революции в село стали возвращаться демобилизованные солдаты с фронтов: некоторые по старости, некоторые по ранению, а некоторые самовольно. Кто вернулся самовольно, тех считали дезертирами. Они были вынуждены скрываться по подпольям, в овиных ямах и в лесу. Некоторые с фронта привезли оружие: винтовки, наганы, сабли. Некоторое оружие было сдано властям добровольно, а были случаи – оружие припрятывалось в тайные места.

Вскоре после революции в России вспыхнула гражданская война, образовались «красные» и «белые». Красные воевали за Советскую власть против белых. Белые же воевали против красных, отстаивая старые порядки. Случалось, так, что в адском бою друг против друга воевали родные братья.

Для защиты молодой Советской республики нужна была армия. По указанию центральной власти в селах и городах в срочном порядке стали обучать молодых парней и мужиков, коих подошёл год призыва на военную службу. В Мотовилово со всей волости были собраны молодые люди для обучения военному делу. Их обучали строевой подготовке зимой на льду озера. Для стрельбы из боевых выходили к лесу. У волостного управления стояла настоящая пушка. Из-за нехватки настоящих боевых винтовок, каждый из обучающихся изготавливал для себя из дерева винтовку, и этим деревянным оружием обучала солдат: как его брать на плечо, к ноги и штыковому бою.

В 1919 году с гражданской войны по ранению явился домой Смирнов Николай Федорович. Любопытным он объяснял, что у него в кармане имеется «белый билет», но на вид он представлял крепкого, вполне здорового бодрого человека. С фронта он прихватил наган и саблю. Наган он надёжно припрятал, а с саблей почти каждый день упражнялся в приёмах кавалерийской рубки во дворе своего дома. Он жил на улице Мотора. Саблей он владел мастерски, даже виртуозно. По-кавалерийски орудуя саблей, он показывал мужикам и ошеломленным бабам разные приёмы казакской рубки. Сабля в его руках «резала» воздух по всем направлениям, металлически взвизгивала, делала вокруг его головы замысловатые петли, восьмёрки, отражая от стали радужные веера. Он показывал классические приёмы верховой езды, лихо избоченясь в седле, с видимым удовольствием и наслаждением заложив руки назад, стоя на земле, он любил по-офицерски перекачиваться с пяток на носки и с носков на пятки. Вообще он являл собой смелого, ловкого, подвижного, виртуозного человека, способного на всякие выдумки и ухищрения. Говорил он скороговоркой, словно барабанил палкой по забору. Речь его была твёрдой, ясной, иронической. К этому времени ему было двадцать пять лет. Среднего роста, черноватые волнистые волосы обрамляли его чисто вырубленное худощавое лицо, brave усы, нос прямой с легкой орлиной отвисью, лоб широкий, глаза черные, живые, с прищуром. Темперамент живой и находчивый. Его-то и пригласили власти и военное командование обучать солдат-новобранцев для подготовки их на фронт гражданской войны.

Обучал он их по всем правилам военной выправки: непонятливого и по-деревенски неуклюжего в движениях парня он обзывал непристойными словами, вроде «свиная требуха», «осел», а особо неподдающегося обучению он просто-напросто ударял по щекам. Ходил он по-солдатски бравой походкой, на ногах хромовые сапоги, одет в хромовую тужурку, офицерскую гимнастерку и офицерские полухромовые брюки-галифе.

Мужики-односельчане говаривали Николаю: «И в кого ты только уродился! Отец-то колёсного скрипу боялся, а ты вон какой!» – восхищались и завидовали они.

Рассуждение о власти

Мотовиловцы, как и прочие жители отдалённых сел России, сначала туманно представляли себе о случившемся перевороте в Петрограде и Москве. Они смутно расходились во мнениях, рассуждая между собой о том, какая же власть теперь будет править Россией. Слухи до деревенского обитателя доходили самые разносторонние и сбивчивые, порой противоречащие один другому. Газеты до рядового читателя не доходили, телефонной связи с селами не было, а о радио в то время и слухом не слышать было. Газеты хотя и выписывались, но они оседали в волостном управлении, задерживались в руках сельских грамотеев и лиц духовного звания, которые, заняв выжидательную тактику, умалчивали.

По весне, в последний день Пасхи, в Радоницу вечером на завалине Федорова дома собрались приближенные жители для беседы, поговорить о предстоящем севе и попутно потолковать о новой власти. Мирно сидели, беседовали, переговаривались.

– А за что царя с престола-то сверзили? – ни к кому не обращаясь, осведомилась любопытная до всего Анна Крестьянинова.

– За растраниживание золота! Вот за что! – сунулся с ответом обычно молчаливый Яков Забродин. – Он выпускал золотые деньги, которые были в свободном обращении в народе, а евреи и немцы их за границу справляли, а от этого наша казна хирела, – с чувством знатока пояснил тот же Яков.

– Поэтому он действительно немножко сглупил, – вступил в разговор Федор Крестьянинов, – А так-то житуха при нем была хоть куда, калачи со стола не сходили. «При царе-то Николашке ели пышки, халабашки. Наступил новый режим – все голодные лежим».

– Его буржуи с капиталистами с трона согнали. На его место временное правительство во главе с адвокатом Керенским поставили, а потом в революции, и его товарищи арестовали, – взялся разъяснить находившийся тут же Николай Смирнов.

– А кто эти «товарищи»-то? – пылливо спросил Василий Савельев.

– Большевики, да меньшевики, вот кто! – бойко отрезал Николай

– Только, между этих товарищей спор идет, каким способом народом управлять. Одни церкви позакрывать предлагают, другие за окошки и трубы в избах налог на народ навалить хотят, а кто из них чего предлагает, я и сам доконно не знаю. Как мыслят большевики, как мыслят меньшевики, а как эсеры.

– А разве есть еще какие-то «эсеры»? – спрашивая, удивился Иван Федотов.

– Да, есть и такая партия. Да вообще-то этих партий за раз появилось не меньше десятка, – авторитетно заявил Николай.

– Эх, ешли твою мать! – удивился Иван, – Это поэтому он всю нашу матушку Расею по кусочкам растащут, кто куда, – с чувством жалости добавил он.

– Время покажет. Поживём – увидим! – заключил Николай Федорович.

– А я слышал, меньшевики вольную торговлю народу разрешить хотят? – полюбопытствовал Савельев.

– Нет, не меньшевики, а Ленин, а он – вождь большевиков, он стоит за торговлю.

– А кто же у меньшевиков-то главный? – допытывался Федор Крестьянинов.

– А у них главарь Троцкий, вот кто! – резонно ответил Николай.

– А бают, они меж собой товарищи. Вместе, слышь, революцию состряпали, – настойчиво дознавался Василий Ефимович.

– Революцию-то вместе совершили, да после-то во мнениях разошлись.

– Вон оно что-о! – удивленно протянул Иван.

– А с кем сейчас война-то идет? – задал вопрос Семион Семин, сидевший до этого молча и слушая, что люди говорят.

– В России зараз появились красные и белые. Сначала-то сообща с немцем воевали, а теперь меж себя разделились, польщутся, аж клочья летят, а чего делают и сами не знают! – недоуменно высказал свое мнение Яков Забродин.

– Эх вы, темнота, деревенщина, не знаете, из-за чего гражданская война ведется! Видно, вы мало газетки почитываете, – урезонил беседующую толпу мужиков Николай Смирнов, выдавая себя за начитанного и понимающего в текущих событиях. Да оно так и есть, все же он долгое время пребывал на фронте, вращался среди офицерства и вообще среди людей, сведущих в политике, и в курсе всей обстановки. Сам же Николай пока ни к какой группировке себя не причислял и старался до времени держаться в стороне от политики. Он выжидал время, ждал, чья возьмёт, поэтому он так уклончиво и неопределённо объяснил беседующим односельчанам о причинах гражданской войны.

– Мы эти самые газетки совсем не видим, а не только не читали! – сожалеючи, пояснил Семион, – Хоть бы на курево где достать газетку.

– Их не доставать надо, а выписывать, – снова с разъяснением обратился к мужикам Николай. – Вот, к примеру, газета «Беднота» – самая доступная для нас, крестьян.

– У нас и так бедности-то хоть отбавляй! – шутливо отозвался Семион.

– Ну, тогда журнал «Лапоть»!

– Вот так предложил, из бедноты, да в лапти! – рассмеялся Семион. – У меня лапти-то свои вон с ног сваливаются, все расхулились. Завтра надо в лес за лыками съездить, да лапти себе сплести.

– А я этих разных газет перечитал уйму, – неторопливо начал продолжать беседу Яков. – Сторожу в ВИКе, делать нечего, а их там в углу навалена целая гора, только почитывать.

– Гоже тебе на казенный счет проезжать, – с укором подковырнул его Василий, – а нам, чтоб выписать газету, все деньги надо, а они сейчас нипочем, обесценены, что царские, что керенки – миллионами исчисляются, а толку мало, – добавил он.

– Уж я в этом не виноват, – спокойно оправдывался Яков.

Побеседовали, поговорили, разговор на завалине угас, стали расходиться по домам. На улице сгущались сумерки. Послышались шаркающие шаги, кашель, чихание, позевота. А неутомонные парни, по-жеребачьи, носились в темноте с светящимися гнилушками, пугая девок. Девки, всполошенные такой невидалью, пугливо метались по улице, взвизгивали, старались спрятаться от назойливых парней, но они их всюду настигали и страшив потешно.

Прогрессивная группа

Вовремя империалистической войны, более прогрессивная, начитанная мотовиловская молодежь, организовалась в потайную организацию, которую они называли «ОРИОН», хотя это безобидное название и означает название одного небесного созвездия, но под каждой из букв «орион» содержался какой-то скрытый смысл, видимо известный только членам этой организации.

В эту организацию входили Савельев Алексей Ефимович (брат Василия), который, за большую осведомлённость и начитанность художественной литературы, его товарищами был прозван «Пенкроф», он и стал руководителем этой организации. Вторым членом этой организации был его свояк Лабин Сергей Никифорович. Третий Додонов Иван Евдокимович (шурин и Алексея, и Сергея). Четвертый Лобанов Яков Иванович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.